

Р. Дик. Панахио

Р. Дж. Паласио

Чудо

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42091898

Чудо: Розовый жираф; Москва; 2019

ISBN 978-5-4370-0248-3

Аннотация

Август Пулман пришел учиться в пятый класс. Он новенький, значит, ему будет нелегко. А если учесть, что прежде он никогда в школе не учился, то нелегко вдвойне. К тому же желающих дружить с Августом совсем немного: ведь у этого вполне обыкновенного десятилетнего мальчишки совершенно необыкновенное лицо. Несмотря на множество операций, из-за генетической аномалии его лицо больше похоже на страшную маску; и то, что Август вообще живет, – настоящее медицинское чудо. С чем он столкнется в школе – об этом, кажется, догадывается любой из нас: дети бывают жестоки. А вот чем закончится его первый учебный год, можно узнать, только прочитав эту книгу, полную любви, боли и смеха – как и сама жизнь.

Содержание

Часть первая. Август	7
Обыкновенный	9
Почему я не ходил в школу	11
Как я на свет появился	13
У Кристофера	16
Фиолетовое небо	18
Мистер Попкинс	24
Миссис Диас	27
Джек Тот, Джулиан и Шарлотта	30
Экскурсия	36
Актный зал	40
Хорошие ребята	45
Дома	48
День первый	51
Классный час	54
По порядку	59
Агнец на заклание	61
Единственная правота	63
Обед	68
Летний стол	70
От одного до десяти	73
Падаван	77
Разбудите меня, когда закончится сентябрь[4]	82

Джек Тот	84
Октябрьская максима мистера Брауна	86
Яблоки	87
Хэллоуин	90
Школьные фотографии	93
Плесневелый сыр	94
Костюмы	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Р. Дж. Паласио

Чудо

Wonder

R. J. Palacio

Text copyright © 2012 by R.J. Palacio

Jacket art copyright © 2012 by Tad Carpenter

© А. Красникова, перевод на русский язык, 2013

© Н. Калошина, перевод текстов песен на русский язык,
2013

© В. Павликов, адаптация обложки и леттеринг, 2018

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

* * *

Расселу, Калербу и Джозефу

*Ученые люди из дальних стран
Над моей кроватью
Стоят, глубоко
Задумавшись над загадкой.
Наверное, я одно из чудес – Божье творенье.
Им остается только гадать:
Нет объясненья.*

Натали Мёрчант. «Чудо» (Wonder)

Часть первая. Август

*Тихо смеясь, склонилась
Судьба над моей колыбелью...
Натали Мёрчант. «Чудо» (Wonder)*

Обыкновенный

Я не такой, как все, я это знаю. То есть, конечно, я делаю самые обыкновенные вещи. Ем мороженое. Катаюсь на велосипеде. Гоняю мяч. Играю на XBox. Как любой десятилетний ребенок. Я и чувствую себя самым что ни на есть обыкновенным. Внутри. Но при виде обыкновенных детей другие обыкновенные дети не разбегаются с воплями. На обыкновенных детей не глазают везде и всюду.

Если бы я нашел волшебную палочку и мог загадать одно желание, я бы попросил нормальное лицо, на которое никто не обращает никакого внимания. Я хотел бы ходить по улицам и чтобы люди, увидев меня, не отводили взгляд. Вот что я думаю: я необычный только потому, что все вокруг считают меня необычным.

Но сейчас я вроде привык к тому, как выгляжу. И научился прикидываться, будто не замечаю, как меняются лица встречных. Мы все отлично умеем притворяться: я, мама с папой, Вия. Хотя нет, Вия притворяется так себе. Когда люди ведут себя грубо, она может не на шутку разозлиться. Взять, например, такой случай. Однажды мы гуляли на площадке и дети постарше стали меня дразнить. Даже не знаю, как именно, – сам я не разобрал, но Вия все слышала и на этих детей накричала. Вот она какая. А я другой.

Вия не считает меня обыкновенным. Она, правда, гово-

рит, что считает, но тогда она бы не оберегала меня от всех и каждого. И мама с папой тоже – я для них *необыкновенный*. Думаю, единственный человек в мире, который понимает, насколько я обыкновенный, – это я сам.

Кстати, меня зовут Август. Как я выгляжу, описывать не буду. В любом случае все хуже, чем вы думаете.

Почему я не ходил в школу

На следующей неделе я пойду в пятый класс. Раньше я никогда не учился в настоящей школе и теперь трушу до дрожи в коленках. Многие считают, что я не ходил в школу из-за своего лица, но они заблуждаются. Я не ходил из-за операций. Двадцать семь – вот сколько их у меня. Самые серьезные я перенес, когда мне не было четырех, я их и не помню. С тех пор каждый год мне делают две-три операции (некоторые серьезные, некоторые не очень), а еще я часто болею из-за того, что расту хуже сверстников, и к тому же во мне есть другие медицинские загадки, которых доктора пока не разгадали. Поэтому родители и решили не отдавать меня в школу. Но сейчас я уже окреп. Последняя операция прошла восемь месяцев назад, и мне, если повезет, еще целых два года не потребуется новая.

Я на домашнем обучении, учит меня мама. Раньше она иллюстрировала детские книги. Феечки и русалочки у нее получаются отлично. Но, чего уж там скрывать, рисунки для мальчиков у нее не ахти какие. Однажды она попыталась изобразить для меня Дарта Вейдера, а вышел какой-то робот, похожий на гриб. Хотя я давно не видел, как она рисует. Наверное потому, что она все время занята мной и Вией.

Не то чтобы я всегда хотел учиться в школе. Точнее, я бы хотел, но только если бы был как все. И у меня была бы куча

друзей, с которыми я мог бы гулять после уроков, ну и все такое.

Сейчас у меня есть несколько настоящих друзей. Самый лучший – Кристофер, потом Зак и Алекс. Мы знакомы с пеленок. И так как они знают меня всю жизнь, то успели ко мне привыкнуть. Когда мы были маленькие, мы всегда ходили друг к другу в гости, но потом Зак и Алекс пошли в школу. А Кристофер переехал. И теперь получается, что я живу все там же, в Норт-Ривер-Хайтс – это район Нью-Йорка, точнее Верхнего Манхэттена, а Кристофер – в Бриджпорте, штат Коннектикут, и от меня к нему ехать больше часа. Но все равно: Кристофера, хоть он и переехал, я вижу чаще, чем Зака и Алекса. Они завели себе новых друзей. Зато, если мы случайно встречаемся на улице, они мне улыбаются. И всегда здороваются.

Есть у меня и другие друзья, но не такие хорошие, как Кристофер, Зак и Алекс. Скажем, Зак и Алекс всегда приглашали меня на дни рождения, а Джоуэл, Эймонн и Гейб – никогда. Как-то меня позвала Эмма, но я уже тысячу лет ее не видел. И, конечно, я всегда хожу на день рождения к Кристоферу... Хотя, наверное, дни рождения – это не так уж и важно.

Как я на свет появился

Мне нравится, когда мама про это рассказывает. Сама по себе история, может, и не слишком смешная, но мама изображает все так уморительно, что мы с Вией каждый раз лопаемся от смеха.

Ну так вот. Когда я сидел в мамином животе, никто и подумать не мог, что я из него вылезу таким, какой я есть. За четыре года до этого мама родила Вию – «все равно что в парке прогулялась» (так мама говорит), – и не было никаких причин делать специальные анализы. Примерно за два месяца до того, как я родился, доктора заметили, что с моим лицом что-то не так, но они не подозревали, что все настолько плохо. Они сказали маме с папой, что у меня волчья пасть и еще кое-что по мелочи – несколько, мол, «небольших аномалий».

В ту ночь, когда я появился на свет, в родильной палате дежурили две медсестры. Одна – милая и симпатичная. А вторая, как говорит мама, наоборот – вовсе не симпатичная и совсем не милая. У нее были здоровенные ручки, и (тут начинается смешное) она все время пукала. Принесет маме колотого льда и пукнет. Измерит давление и пукнет. Из-за этого мама все время вздрагивала, а медсестра даже ни разу не извинилась. Между тем мамин врач в ту ночь не дежурил, а вместо него в палате торчал какой-то чокнутый прак-

тикант, которому они с папой дали кличку Дуги – кажется, в честь старого сериала про подростка, работавшего доктором в больнице. Но мама говорит, что, хоть все и нервничали, папа веселил ее всю ночь.

Когда я вылез из маминого живота, в палате вдруг наступила тишина. Маме даже не удалось на меня взглянуть, потому что милая медсестра тут же выскочила со мной из палаты. Папа погнался за ней, да так спешил, что выронил видеокамеру, которая раскололась на миллион кусочков. А мама очень расстроилась и попыталась встать, чтобы посмотреть, куда это все понесли, но пукающая медсестра обхватила ее своими ручищами и водворила на место. Они чуть не подрались, потому что мама билась в истерике, а пукающая медсестра кричала на нее и требовала уgomониться, а потом они вместе начали кричать на доктора. А дальше – угадайте что? Он упал в обморок! Прямо на пол! И когда пукающая медсестра увидела, что он упал, то принялась пинать его ногами, чтобы он пришел в себя, и вопить что есть мочи: «Что же ты за доктор такой? Что ты за доктор? Вставай! Вставай!» А потом ни с того ни с сего испустила самый большой, самый вонючий, самый громкий пук, какой мама слышала в своей жизни. Мама думает, что именно этот пук и привел в себя доктора, и он наконец очнулся. Мама рассказывает эту историю в лицах – и даже издает пукающие звуки, – и это очень, очень, очень смешно!

Мама говорит, что пукающая медсестра оказалась замеча-

тельной женщиной. Она не отходила от мамы ни на минуту. Не оставила ее, даже когда вернулся папа и врачи сообщили родителям, как тяжело я болен. Мама в точности помнит, что прошептала ей на ухо медсестра, когда доктор сказал, что я, скорее всего, не доживу до утра: «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир». На следующий день – а я дожил и до него – именно эта медсестра держала мамину руку, когда маме впервые показали меня.

Мама говорит, что к тому времени ей рассказали всю правду обо мне. Она готовилась к нашей встрече. Но, по ее словам, когда она впервые взглянула на мое лицо, она увидела только, какие у меня прекрасные глаза.

Кстати, мама у меня красивая. И папа хоть куда. Вия хорошенькая. На случай, если вам интересно.

У Кристофера

Я жутко огорчился, когда три года назад Кристофер переехал в другой город. Мне тогда было семь лет, и ему тоже. Раньше мы часами играли фигурками из «Звездных войн» и бились на световых мечах. Теперь мне этого не хватает.

Прошлой весной мы были в гостях у Кристофера в Бриджпорте. Мы с ним отправились на кухню, чтобы перекусить, и тут услышали, как в гостиной моя мама говорит Лизе, маме Кристофера, что осенью я иду в школу. Ничего себе, думаю, вот так сюрприз.

– О чем это вы? – спрашиваю.

Я застал маму врасплох. Она, похоже, не собиралась посвящать меня в свои планы.

– Изабель, нужно ему рассказать, – раздался папин голос с другого конца гостиной, где наши папы, мой и Кристофера, о чем-то беседовали.

– Поговорим об этом позже, – ответила мама.

– Нет, хочу сейчас, – упирался я.

И мама сдалась.

– Ави, – начала она, – тебе не кажется, что ты уже готов к школе?

– Не кажется.

– И мне тоже, – поддержал меня папа.

– Вот и все, тема закрыта. – Я пожал плечами и уселся к

маме на колени, как маленький.

– Понимаешь, сама я не смогу тебя всему научить, – продолжала мама. – Ты ведь знаешь, как у меня плохо с дробями!

– А что за школа? – Я вот-вот расплачусь.

– Школа Бичера. Совсем рядом с нами.

– Ух ты, это отличная школа, Ави. – Лиза похлопала меня по коленке.

– А почему не та, где учится Вия?

– Очень уж она большая и неудобная, – ответила мама. – Вряд ли тебе там понравится.

– Не хочу, – сказал я. Признаться, даже не сказал, а прохныкал.

– Если не хочешь, то и не надо. – Папа подошел к нам и взял меня на руки. Потом сел на диван и усадил к себе на колени. – Заставлять тебя мы не будем.

– Это пойдет ему на пользу, – не отступала мама.

Папа смотрел на меня.

– Но он не хочет. Он не готов.

Мама взглянула на Лизу, и та сжала ее руку:

– Ничего, все уладится.

– Обсудим школу потом, – сказала мама.

Было ясно, что между мамой и папой грядет ссора. Я болел за папу. Но в чем-то мама была права. И, если честно, она действительно ничего не смыслит в дробях.

Фиолетовое небо

Домой мы возвращались целую вечность. Я заснул на заднем сиденье: как всегда, голову положил Вие на колени, а под ремень безопасности подсунул полотенце, чтобы не напустить на нее слюней. Вия тоже задремала, папа с мамой вели какие-то взрослые разговоры, до которых мне не было дела.

Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, небо за окном машины было фиолетовое и светила луна. А мы неслись по шоссе в потоке других автомобилей. Потом я услышал, как мама и папа говорят обо мне.

– Мы не можем всю жизнь держать его в теплице, – шептала мама. – И вести себя так, будто однажды он проснется и станет как все. Нет, это *его* крест, он должен научиться его нести. Нельзя и дальше избегать ситуаций, в которых...

– Отдать его в школу – все равно что отправить агнца на заклание, – начал папа сердито, но запнулся, потому что увидел меня в зеркало заднего вида.

– А что такое «агнец на заклание»? – спросил я.

– Спи, Ави, – ласково сказал папа.

– В школе все будут на меня пальцем показывать! – И я вдруг разревелся.

– Сынок, – мама повернулась ко мне и накрыла мою руку ладонью, – ты знаешь, что силком тебя в школу никто не по-

тащит. Но мы поговорили с директором, рассказали о тебе, и он очень хочет познакомиться с тобой.

– И что ты ему рассказала?

– Какой ты веселый, и добрый, и умный. А когда я упомянула, что ты уже в шесть лет прочел «Повелителя драконов»¹, он аж присвистнул. «Ничего себе! – говорит. – Я просто обязан с ним познакомиться!»

– А еще что?

Мама улыбнулась. Так, будто обняла.

– Он знает обо всех твоих операциях и о том, какой ты храбрый.

– А о том, как я выгляжу?

– Мы принесли фотографии прошлогодней поездки в Монток: те, на которых мы все вместе, – сказал папа. – И тот классный снимок на лодке, где ты держишь камбалу!

– Что, и ты ходил к директору? – опешил я.

Вот тебе и раз. Папа же вроде на моей стороне!

– Да, мы оба с ним встречались. Он очень приятный человек.

– Тебе он понравится, – добавила мама.

Внезапно я понял, что они заодно.

– Погодите, а когда вы с ним виделись?

– Он показывал нам школу в прошлом году, – ответила

¹ «Повелителя драконов» написала немецкая писательница Корнелия Функе. Это книга о приключениях десятилетнего мальчика и его друзей – дракона и девочки-домовенка. (Здесь и далее примеч. пер.)

мама.

– В прошлом году?! Вы целый год собирались упечь меня в школу – и всё это время молчали?

– Ави, мы даже не знали, возьмут тебя или нет. Туда непросто поступить: нужно сдать экзамены и пройти собеседование. К чему дергать тебя попусту?

– Но ты, конечно, прав, – сказал папа. – Мы должны были рассказать сразу, как только тебя приняли. Мы узнали об этом месяц назад.

– Мы совершили ошибку. Теперь-то ясно, – вздохнула мама.

– А та тетечка, которая приходила к нам домой, имеет к школе какое-то отношение? – спросил я. – Та, которая давала мне задания?

Мама выглядела виноватой.

– Вообще-то да. Да.

– Ты говорила, что это тест на айкью.

– Знаю, но я хотела как лучше. На самом деле ты сдавал вступительный экзамен. Кстати, ты замечательно с ним справился.

– Ты соврала!

– Получается, что соврала. Прости. – Мама попыталась улыбнуться, но я сделал каменное лицо, и она отвернулась и стала смотреть вперед, на дорогу.

– Так что значит «агнец на заклание»? – повторил я.

Мама выразительно посмотрела на папу.

– Зря я так сказал. – Папа глядел на меня в зеркало заднего вида. – Это совсем не про тебя. Послушай-ка: мы с мамой очень, очень тебя любим и делаем все, чтобы тебя защитить. Просто иногда каждый из нас пытается защитить тебя по-своему.

– Не хочу в школу. – Я скрестил руки на груди.

– Это для твоей же пользы, Ави, – сказала мама.

– Может, в следующем году. – Я уставился в окно.

– Лучше в этом. Знаешь почему? Потому что пятый класс – это первый год средней школы для всех. Ты не будешь единственным новичком.

– Я буду единственным, у кого такое лицо.

– Я не говорю, что тебе будет легко, ты и сам это понимаешь. Но тебе там будет лучше, Ави. У тебя появится много друзей. И ты столько всего узнаешь! Не то что со мной. – Она снова повернулась ко мне. – Отгадай, что мы увидели в лаборатории, когда осматривали школу? Крошечного цыпленка, который только что вылупился из яйца. Такой симпатяга! Он мне напомнил тебя, Ави, когда ты был малышом... с большими карими глазами...

Вообще-то мне нравится, когда родители говорят о тех временах, когда я был маленьким. Иногда я хочу свернуться в комочек, и пусть они меня всего обнимают и целуют. Хочу снова быть младенцем и ничего не понимать. Но сейчас я на эти разговоры не клюю.

– Не хочу в школу.

– Давай договоримся, – предложила мама. – Ты же можешь один раз встретиться с мистером Попкинсом, а потом уже решить окончательно?

– Мистером Попкинсом?

– Директором, – уточнила мама.

– Мистер Попкинс?!

– Ага, представляешь? – сказал папа. – Даже не верится, что у людей бывают такие фамилии! То есть, кто вообще согласится называться Попкинсом?

Я улыбнулся, но так, чтобы они не заметили. Папа – единственный на свете человек, который может меня рассмешить, даже когда смеяться совсем не хочется. И не только меня, кого угодно.

– Ави, знаешь, ты должен пойти в эту школу, просто чтобы услышать, как его фамилия звучит из громкоговорителей! – оживился папа. – Прием, прием! Вниманию мистера Попкинса! – Он заговорил искусственным высоким голосом, как пожилая дама. – Здравствуйте, мистер Попкинс! Смотрю, вы сегодня немного ПОДЗАДержались! Попали в ЗАПОР, ой, простите, затор? Присаживайтесь на диван, тут самое МЯГКОЕ МЕСТО!

Я расхохотался. Не то чтобы папа в самом деле меня развеселил, просто мне уже надоело обижаться.

– Хотя бывает и хуже, – продолжал папа своим обычным голосом. – У нас с мамой в колледже была преподавательница мисс Зад.

Тут прыснула и мама.

– Правда, что ли? – спросил я.

– Розмари Зад, – подтвердила мама, подняв руку, будто в клятве. – Розы Зад.

– И какие у нее были округлости! – воскликнул папа.

– Нет!

– А что? Я всего лишь имел в виду, что у нее были очень круглые щеки.

Мама одновременно смеялась и укоризненно качала головой.

– О, знаю! – Папа воодушевился еще больше. – Давайте отправим их на свидание! Только представьте! Мисс Зад, познакомьтесь с мистером Попкинсом. Мистер Попкинс, это мисс Зад. Они могли бы пожениться и нарожать уйму маленьких Поп.

– Бедный мистер Попкинс, – сказала мама. – Ави его еще даже не видел, Нет, а ты...

– Что за мистер Попкинс? – спросила Вия, потягиваясь и зевая.

– Директор моей школы, – ответил я.

Мистер Попкинс

Я бы трусил гораздо больше, если бы знал, что увижу не только мистера Попкинса, но и трех своих одноклассников. Но я не знал и поэтому больше хихикал, чем нервничал. Папины шутки прочно засели у меня в голове, и когда за две недели до занятий мы с мамой приехали в школу Бичера и я увидел мистера Попкинса – он ждал нас у входа, – то тут же начал фыркать от смеха. Хотя он выглядел совсем не так, как я его себе представлял. Наверное, я думал, что у него будет толстенная задница, но она оказалась совершенно нормальной. На самом деле он вообще был нормальный. Высокий и худой. Старый, но не очень. Он мне понравился.

Сначала он пожал руку маме.

– Здравствуйте, мистер Попкинс, – сказала мама. – Это мой сын Август.

Мистер Попкинс посмотрел на меня, улыбнулся и кивнул. И протянул руку.

– Здравствуй, Август, – произнес он как ни в чем не бывало. – Рад с тобой познакомиться.

– Здравствуйте, – промычал я. Руку-то я ему пожал, но устоялся на его ноги. На красные кроссовки «Адидас».

– Твои родители много о тебе рассказывали. – Он присел на корточки, и мне пришлось глядеть ему в лицо.

– И что же такое они рассказывали?

– Прости? Я не расслышал.

– Ави, говори четче, – напомнила мне мама.

– Что рассказывали? – я постарался не мямлить. Знаю, за мной водится эта дурная привычка.

– Например, что ты любишь читать, – ответил мистер Попкинс, – и прекрасно рисуешь. – У него были голубые глаза с белыми ресницами. – И увлекаешься естественными науками. Так?

– Угу, – кивнул я.

– У нас есть пара замечательных естественно-научных курсов по выбору. Думаю, тебе будет интересно.

– Угу. – Я понятия не имел, что такое курсы по выбору.

– Ну что, идем в школу?

– Прямо сейчас – в школу?

– А ты думал, мы в кино собрались? – Он встал, улыбаясь.

– Почему ты меня не предупредила? – повернулся я к маме.

– Ави... – начала она.

– Все будет хорошо, Август, – сказал мистер Попкинс, протягивая мне руку. – Обещаю.

Наверное, он хотел, чтобы я взял его за руку, но я взял не его, а маму. Он снова улыбнулся и направился к входу.

Мама легонько сжала мою ладонь. Не знаю, что она хотела этим сказать: что она меня любит или что просит прощения. Вероятно, и то и другое.

Раньше я бывал только в одной школе – той, где училась

Вия. Нас с мамой и папой приглашали туда на концерты и спектакли. Моя школа оказалась совсем другой. Меньше. И пахла больницей.

Миссис Диас

Мы шли за мистером Попкинсом по длинным коридорам. В них почти не было людей. А те, что нам встретились, совсем не обращали на меня внимания. Но, может, они просто меня не видели, я ведь прятался за мамой. Ясное дело, большие дети так себя не ведут – ну и что, мне было не до храбрости.

В конце концов мы свернули в маленькую комнату с табличкой «Директор» на двери. В комнате стоял стол, а за ним сидела какая-то женщина. С виду добрая.

– Это миссис Диас, – сказал мистер Попкинс, и женщина ослепительно заулыбалась, сняла очки на цепочке и встала.

Мама пожала ей руку и сказала:

– Изабель Пулман. Приятно познакомиться.

– А это Август, – сказал мистер Попкинс.

Мама отступила в сторону и пропустила меня вперед. Потом случилось то, что я уже наблюдал миллион раз. Когда я посмотрел на миссис Диас, она отвела взгляд. Всего на мгновение, так что кроме меня никто этого не увидел, тем более что выражение ее лица ни капельки не изменилось. Она по-прежнему сияла улыбкой.

– Очень приятно, Август. – Она протянула мне руку.

– Здравствуйте, – пробормотал я. Смотреть ей в лицо не хотелось, поэтому я уставился на ее очки, висевшие на шее.

– О, какое сильное рукопожатие! – сказала миссис Диас. Ладонь у нее была очень теплая.

– Что верно, то верно. Мертвая хватка! – согласился мистер Попкинс, и все вокруг засмеялись.

– Можешь звать меня миссис Ди. – Скорее всего, миссис Диас говорила это мне, но я в этот момент разглядывал ее стол. – Все меня так зовут. «Миссис Ди, я забыл код от своего шкафчика». «Миссис Ди, я опоздал, мне нужен пропуск на урок». «Миссис Ди, я хочу сменить курс по выбору».

– Миссис Ди тут всем и заправляет, – заметил мистер Попкинс, и взрослые снова рассмеялись.

– Я здесь каждый день с семи тридцати утра, – продолжала миссис Диас, по-прежнему глядя на меня. Я теперь изучал ее коричневые босоножки с маленькими сиреневыми цветочками на пряжках. – Если тебе что-нибудь понадобится, Август, спрашивай, не стесняйся. Спрашивай о чем угодно.

– Хорошо, – промычал я.

– Ой, какой милый малыш! – Мама показывала на одну из фотографий, приколотых к специальной доске над столом миссис Диас. – Ваш?

– Что вы, это мой внук! – Миссис Диас улыбнулась широко-широко, не ослепительно, а совсем по-другому.

– Очень симпатичный. Сколько ему?

– На этой фотографии, думаю, месяцев пять. А сейчас он уже подросток. Почти восемь лет!

– Красавец, – улыбнулась мама.

– Спасибо! – Миссис Диас закивала и хотела еще что-то добавить про своего внука. Но внезапно ее улыбка стала не такой широкой. – Мы все будем заботиться об Августе, – сказала она, и я видел, как она дотронулась до маминой руки.

Я посмотрел на мамино лицо и понял, что она волнуется не меньше моего. А вообще миссис Диас мне скорее понравилась – когда она не сияла своей ослепительной улыбкой.

Джек Тот, Джулиан и Шарлотта

Дверь напротив стола миссис Диас вела в другую комнату – кабинет мистера Попкинса. Когда мы втроем вошли, он закрыл дверь, продолжая что-то говорить, но я не очень его слушал. Я разглядывал большой стол, за который он уселся, и разные вещицы на столе. Вот это сокровища! Например, маленький глобус, который парил в воздухе сам по себе. И кубик Рубика, сделанный из крошечных зеркал. Мне понравился этот кабинет. Понравилось, что на стенах висели детские рисунки. И что они были в рамках, словно настоящие картины.

Мама села на стул перед столом мистера Попкинса. Был еще один стул, но я решил встать поближе к маме.

– Почему у вас есть своя комната, а у миссис Ди нет? – спросил я.

– Ты имеешь в виду, почему у меня есть собственный кабинет? – уточнил мистер Попкинс.

– Вы же сказали, что она тут всем заправляет.

– Ах, вот оно что! Я пошутил. Миссис Ди – моя помощница.

– Мистер Попкинс – директор школы, – напомнила мама.

– А вас зовут мистер Пи?

Мой вопрос его развеселил.

– Ох, не знаю, не знаю! Подозреваю, мне дают множество

других прозвищ, о которых я могу только догадываться. Чего уж там, с фамилией, как у меня, жизнь не сахар. Понимаешь, о чем я?

Я расхохотался, потому что прекрасно понимал, о чем он.

– У мамы с папой была учительница мисс Зад.

– Ави! – Мама покраснела, но мистер Попкинс рассмеялся.

– Да, ей не позавидуешь. По сравнению с ней даже мне грех жаловаться. Послушай, Август, вот чем мы сегодня займемся...

– Это тыква? – Я показал на рисунок в рамке, висевший над столом мистера Попкинса.

– Ави, сынок, не перебивай, – сказала мама.

– Нравится? – Мистер Попкинс обернулся взглянуть на рисунок. – Мне тоже. И я тоже сперва считал, что это тыква. А потом ученик, который мне его подарил, объяснил, что на самом деле это не тыква. Это... – приготовься – мой портрет! А теперь, Август, отвечай: неужели я похож на тыкву?

– Нет! – сказал я вслух, хотя подумал «да». В его щеках было что-то тыквенное – когда он улыбался, щеки надувались и лицо превращалось в хэллоуинскую тыкву-фонарь. Я захихикал. А потом замотал головой и прикрыл рот ладонью.

Мистер Попкинс улыбнулся, словно прочел мои мысли.

Я собирался еще кое-что добавить, но внезапно услышал голоса за дверью: детские голоса. Сердце бешено заколотилось, будто я только что пробежал марафон – именно так,

без преувеличений.

Дело в том, что, когда я был маленький, я совершенно спокойно общался с незнакомыми детьми, потому что все дети, с которыми я общался, были тоже очень маленькие. Что хорошо в очень маленьких детях, так это что они ничего не делают специально, чтобы над тобой поиздеваться. Хотя иногда могут и обидеть. Они просто не всегда понимают, что говорят. А большие дети понимают. И поэтому я держусь от них подальше. Я даже волосы отрастил в прошлом году – челка закрывает глаза и помогает не замечать то, что замечать совсем не хочется.

В дверь постучала миссис Диас.

– Мистер Попкинс, они здесь, – объявила она.

– Кто здесь? – спросил я.

– Спасибо, – сказал мистер Попкинс своей помощнице и обратился ко мне: – Август, я тут подумал, что неплохо бы тебе познакомиться с будущими одноклассниками. Они покажут тебе школу. Введут, так сказать, в курс дела.

– Не хочу ни с кем знакомиться, – сказал я маме.

Вдруг мистер Попкинс оказался прямо передо мной, а его руки – у меня на плечах. Он наклонился и прошептал мне в ухо:

– Не бойся, Август. Это хорошие ребята.

– Ави, все будет хорошо, – прошептала мне мама в другое ухо.

Но больше она ничего не успела сказать, потому что ми-

стер Попкинс уже распахнул дверь своего кабинета.

– Прошу, – пригласил он, и в комнату вошли два мальчика и девочка. Никто из них не смотрел ни на меня, ни на маму. Они топтались у двери и не сводили глаз с мистера Попкинса, будто от этого зависела их жизнь.

– Большое спасибо, что пришли, да еще за две недели до занятий! Ну что, каникулы удались?

Все закивали, но никто не издал ни звука.

– Вот и превосходно, – сказал мистер Попкинс. – Итак, друзья, познакомьтесь с Августом, он тоже будет у нас учиться. Август, это давнишние ученики нашей школы. Конечно, в младших классах они занимались в другом здании, но мы познакомили их с программой средней школы, так что они бывали тут не раз и знают все закоулки. А поскольку вы с Августом в одном классе, то я подумал, что будет прекрасно, если вы подружитесь до начала занятий. Итак, дети, это Август. Август – это Джек Тот.

Джек Тот посмотрел на меня и протянул руку. Когда я ее пожал, он кривовато улыбнулся, сказал «привет» и тут же устоялся в пол.

– Это Джулиан, – продолжал мистер Попкинс.

– Привет. – И снова повторилось то же самое: Джулиан взял мою руку, выдавил из себя улыбку, быстро опустил глаза.

– И Шарлотта.

Таких светлых волос, как у Шарлотты, я в жизни не видел.

Она не стала протягивать мне руку, но помахала и улыбнулась:

– Привет, Август. Приятно познакомиться.

– Привет, – сказал я, глядя вниз, на ее ярко-зеленые кроксы.

– Итак. – Мистер Попкинс соединил ладони, как бы медленно ими хлопнул. – Вы могли бы устроить для Августа небольшую экскурсию по школе. Что, если начать с третьего этажа? Там будет ваш кабинет – по-моему, триста первый. Миссис Диас, не подскажете...

– Да-да, кабинет триста один! – откликнулась миссис Диас из-за двери.

– Триста первый, – повторил мистер Попкинс. – И покажите ему, например, лаборатории и компьютерный класс. И библиотеку и актовый зал на втором этаже. И столовую не забудьте.

– А кабинет музыки надо показывать? – спросил Джулиан.

– Хорошая идея, – согласился мистер Попкинс. – Август, ты играешь на каком-нибудь инструменте?

– Нет, – ответил я. Музыка – это не про меня, ведь ушей-то у меня нет. Точнее, они есть, но выглядят не как обычные уши.

– Кабинет музыки все равно тебе понравится, – сказал мистер Попкинс. – У нас неплохая коллекция ударных инструментов.

– Август, ты же всегда хотел научиться играть на бараба-

нах! – Мама пыталась поймать мой взгляд. Но мои глаза прятала челка, а я пялился на старую жвачку, которую кто-то прилепил к ножке директорского стола.

– Превосходно! – сказал мистер Попкинс. – Возвращайтесь через... – он глянул на маму, – ...полчаса, хорошо?

Наверное, мама ему кивнула.

– Август, ты готов? – спросил он у меня.

Я промолчал.

– Готов, Август? – повторила мама. Вот теперь я на нее посмотрел. Пусть знает, как я на нее злюсь. Но, глянув на мамино лицо, я просто кивнул. Она была напугана еще сильнее, чем я.

Мои одноклассники вышли из кабинета, и я поплелся за ними.

– До скорого! – мамин голос звучал тоньше обычного. Я ей не ответил.

Экскурсия

Джек Тот, Джулиан, Шарлотта и я шагали по большому вестибюлю к широкой лестнице. Пока мы поднимались на третий этаж, все молчали.

Наверху был узкий коридор с уймой дверей. Джулиан открыл дверь с табличкой «301».

– Вот наш кабинет. Классным руководителем у нас будет мисс Петоза. Я слышал, она ничего, главное – не попасть к ней на математику. На уроках она зверствует.

– Неправда, – возразила Шарлотта. – В прошлом году она вела математику у моей сестры, и сестра говорит, что мисс Петоза абсолютно нормальная.

– Мне рассказывали другое, – ответил Джулиан. – Ну да какая разница. – Он закрыл дверь и двинул дальше по коридору. – Вот лаборатория. – Он встал перед полуоткрытой дверью точно так же, как и минуту назад. Он ни разу не взглянул на меня, но я другого и не ожидал. Я тоже на него не смотрел. – До первого сентября никому не известно, кто будет вести естествознание, но все хотят мистера Холлера. Он учил нас в младших классах. На уроках он иногда играет на огромной тубе.

– Это не туба, а баритон, – заспорила Шарлотта.

– Туба! – И Джулиан захлопнул дверь.

– Слушай, дай ему хотя бы зайти внутрь и осмотреться, –

буркнул Джек Тот, проталкиваясь мимо Джулиана и Шарлотты и снова открывая дверь.

– Хочешь – заходи, никто не мешает, – сказал мне Джулиан. И впервые на меня взглянул.

Я пожал плечами и пошел в лабораторию. Джулиан отскочил в сторону, будто боялся, что я случайно его задену.

– А чего тут смотреть? – И Джулиан стал указывать пальцем на все подряд: – Это инкубатор. Черная штукovina – доска. Это парты. Это стулья. Это бунзеновские горелки. Это таблица химических элементов. Это мел. Это тряпка.

– Джулиан, он знает, что такое тряпка, – сказала Шарлотта. Она чем-то напоминала мне Вию.

– Ты уверена? – ответил Джулиан. – Мистер Попкинс сказал, что он никогда не ходил в школу.

– Ты же знаешь, что такое тряпка, да? – спросила меня Шарлотта.

Если честно, я так нервничал, что ничего не смог из себя выдавить и уставился в пол.

– Эй, ты говорить-то умеешь? – спросил Джек Тот.

– Ага. – Я пока не смотрел ни на кого из них, ну то есть не смотрел им в лицо.

– Ты знаешь, что такое тряпка, правда? – спросил Джек Тот.

– Угу, – промычал я.

– Я же говорил, что тут нечего смотреть, – зевнул Джулиан.

– У меня вопрос... – Я старался, чтобы мой голос не дрожал. – Э-э. «Наш кабинет» – это как? В нем какие-то особые занятия проходят?

– Нет, это комната нашего класса, – объяснила Шарлотта, не обращая внимания на ухмылку Джулиана. – Ты туда приходишь с самого утра, а классный руководитель проверяет, кто отсутствует, делает объявления. В общем, это твой главный класс, хотя и не совсем класс. То есть, разумеется, класс, но...

– Шарлотта, я думаю, он понял, – перебил ее Джек Тот.

– Ты понял? – спросила меня Шарлотта.

– Ага, – кивнул я.

– Тогда идем отсюда. – Джек Тот направился к двери.

– погоди, Джек, нам нужно ответить на все вопросы! – остановила его Шарлотта.

Джек Тот повернулся, закатив глаза.

– У тебя есть еще вопросы? – спросил он.

– Э-э, нет, – ответил я. – Ой, на самом деле есть. Твое имя – Джек или Джек Тот?

– Джек – мое имя. Тот – фамилия.

– А-а, просто мистер Попкинс сказал, что ты Джек Тот, и я подумал...

– Ха! Ты подумал, что он «Джек тот», а не «Джек этот»? – загоготал Джулиан.

Джек пожал плечами.

– Меня часто зовут по имени и фамилии. Не знаю почему.

Ну, теперь-то можем идти?

– В актовый зал! – Шарлотта первой выпорхнула из лаборатории. – Там прекрасно! Тебе понравится, Август.

АКТОВЫЙ ЗАЛ

Шарлотта вела нас на второй этаж и болтала без умолку – о спектакле «Оливер», который они ставили в прошлом году. Оливера играла она, Шарлотта, даром что девочка. Сообщив это, Шарлотта распахнула двойные двери в огромный зал. На другом конце зала была сцена.

Шарлотта поскакала к сцене. Джулиан – за ней, но, пробежав половину пути, обернулся.

– Давай сюда! – крикнул он мне и махнул рукой.

– В зале собралась сотня людей, не меньше! – воскликнула Шарлотта, и я не сразу сообразил, что это она про «Оливера». – Я так волновалась! У меня было столько реплик, и еще я пела все эти песни. Очень трудная роль. – Обращалась Шарлотта ко мне, но на меня почти не смотрела. – На премьере мои родители сидели сзади, примерно там, где сейчас стоит Джек, но когда в зале темно и горят только огни рампы, актеры зрителей почти не различают. И я прямо места себе не находила: «Где мои родители? Где мои родители?» И тогда мистер Резник, он вел у нас театральное мастерство в прошлом году, говорит: «Шарлотта, да у тебя звездная болезнь. Прекрати!» А я ему: «Хорошо». А потом разглядела родителей и совсем успокоилась. Представляешь, я не забыла ни одной реплики!

Пока она говорила, Джулиан исподтишка меня разгляды-

вал. К этому мне не привыкать. Многие думают, что если на меня коситься, не поворачивая головы, то я ничего и не замечу, но я всегда замечаю – голова-то все равно немного наклоняется. Я обернулся проверить, куда делся Джек. Он так и остался у дверей, ждал нас со скучающим видом.

– Мы ставим спектакли каждый год, – сказала Шарлотта.

– Не думаю, что он захочет участвовать, – усмехнулся Джулиан.

– Можно участвовать в спектакле, не выступая на сцене, – Шарлотта посмотрела на меня. – Заниматься освещением. Или раскрашивать декорации.

– О да, мечта, а не работа! – хмыкнул Джулиан.

– Но если не хочешь заниматься театральным мастерством, есть и другие курсы по выбору. Танцы, или хор, или оркестр. Есть курс «Искусство быть первым»...

– На это «искусство» только ботаники записываются, – перебил Джулиан.

– Джулиан, какой ты несносный! – не выдержала Шарлотта, но он в ответ только фыркнул.

– Я выберу естествознание, – сказал я.

– Ого! – воскликнула Шарлотта.

Джулиан поглядел прямо на меня:

– Согласно всеобщего мнения, естествознание – самый трудный курс по выбору. Без обид, но ты *никогда* не ходил в школу. С чего ты решил, что справишься? Ты когда-нибудь раньше занимался наукой? Настоящей наукой, а не набора-

ми юного химика?

– Да, – кивнул я.

– Джулиан, он же учился, только дома! – вступилась за меня Шарлотта.

– И что, учителя приходили к нему домой?

– Его учила мама! – ответила Шарлотта.

– А она учитель? – спросил ее Джулиан.

– Она учитель? – обернулась ко мне Шарлотта.

– Нет, – ответил я.

– Ну я и говорю! – Джулиан торжествовал. – Как можно преподавать естествознание, если ты не настоящий учитель?

– Уверена, у него все получится.

– Что вы там застряли? Идем в библиотеку! – крикнул нам Джек, которому, видимо, надоело торчать в актовом зале.

– А почему у тебя такие длинные волосы? – спросил у меня Джулиан. Он явно ко мне цеплялся.

Я не знал, что отвечать, и просто пожал плечами.

– Можно задать тебе вопрос? – не унимался Джулиан.

Я снова пожал плечами. Вообще-то два вопроса он уже задал.

– Что у тебя с лицом? Ты на пожаре обгорел или как?

– Джулиан, ну зачем говорить человеку гадости! – возмутилась Шарлотта.

– Это не гадости. Я просто спрашиваю. Мистер Попкинс говорил, что нам тоже можно задавать вопросы.

– Да, но нормальные вопросы! И потом, он таким родился.

Мистер Попкинс же нам все объяснил. Ты что, не слушал?

– Еще как слушал! Но мало ли, может, он еще и в пожар угодил.

– Эй, Джулиан, – сказал Джек с другого конца зала. – За-
молчи уже наконец.

– Сам замолчи! – огрызнулся Джулиан.

– Август, идем в библиотеку, – позвал меня Джек.

Мы с Джеком вышли из зала вместе. Он открыл двойные двери, пропустил меня и, когда я проходил мимо, посмотрел мне в глаза, будто хотел, чтобы я тоже на него посмотрел. Ну, я так и сделал. А потом я улыбнулся, честное слово. Иногда так бывает: вот-вот расплачешься, но вдруг раз – и уже чувствуешь, что вот-вот рассмеешься. Уголки рта у меня не поднимаются вверх, как у остальных людей. Губы растягиваются в прямую линию поперек лица. Но Джек Тот все равно понял, что я ему улыбнулся. И улыбнулся в ответ.

– Джулиан – дурак, – прошептал он. – Но, чувак, разговаривать-то тебе все равно придется. – Он произнес это очень серьезно: похоже, он пытался мне помочь. Я кивнул. Когда нас нагнали Джулиан и Шарлотта, мы немного потоптались на месте, рассматривая свои башмаки. Потом я поднял глаза на Джулиана.

– Между прочим, правильно говорить «согласно всеобщему мнению», – сказал я.

– Ты о чем?

– Ты сказал «согласно всеобщего мнения».

– Не говорил!

– Говорил-говорил, – подтвердила Шарлотта. – Ты сказал, что естественные науки, согласно всеобщего мнения, очень трудные. Я слышала.

– Ничего подобного.

– Нашли о чем спорить, – сказал Джек. – Идем.

Шарлотта пошла следом за Джеком по коридору, а я за ней. Но Джулиан внезапно выскочил вперед, и из-за этого я споткнулся и чуть не упал.

– Ох, извини! Мне очень жаль, – бросил мне Джулиан.

Но, судя по тому, как он на меня поглядел, ему не было жаль. Ни капельки.

Хорошие ребята

Мама и мистер Попкинс о чем-то беседовали. Миссис Диас первой увидела, что мы возвращаемся, и засияла своей ослепительной улыбкой.

– Ну, Август, что скажешь? Понравилось?

Я поглядел на маму.

– Да.

Джек, Джулиан и Шарлотта мялись у двери, не зная, входить им или они уже не нужны. Интересно, что им еще обо мне рассказали?

– А цыпленка ты видел? – спросила мама.

Я помотал головой, а Джулиан сказал:

– Вы про цыплят из лаборатории? В конце учебного года их отдают на ферму.

– Ах вот как, – протянула мама. Кажется, она немного огорчилась.

– Но каждый год привозят новых, – добавил Джулиан. – Так что Август увидит их весной.

– О, замечательно! – Мама посмотрела на меня. – Они такие славные, Ави!

Лучше бы она не сюсюкала со мной на людях.

– Ну, Август, – сказал мистер Попкинс, – ребята всё тебе показали? Я совсем забыл про спортивный зал.

– Мы сами догадались туда заглянуть, мистер Попкинс, –

успокоил его Джулиан.

– Превосходно! – кивнул мистер Попкинс.

– А еще мы рассказали о ежегодном спектакле и о курсах по выбору, – затараторила Шарлотта, но вдруг воскликнула: – Ой, мы же не показали ему кабинет изобразительного искусства!

– Ничего страшного, – сказал мистер Попкинс.

– Но мы можем сходить туда сейчас, – предложила Шарлотта.

– А разве нам не нужно забрать Вию? – спросил я маму.

Это был наш условный знак: так я сообщал маме, что пора уходить.

– Ох, точно! – Мама встала. Кажется, даже на часы посмотрела. – Извините. Я совсем забыла о времени. Нам нужно забрать мою дочь из ее новой школы. У нее тоже экскурсия.

Вия действительно сегодня знакомялась со школой, тут мама не соврала. Но вот заезжать за Вией мы не собирались. Ее должен был привезти домой папа, и позже.

Мистер Попкинс тоже встал.

– А что за школа?

– С этой осени она будет учиться в Старшей школе Фолкнера.

– Вот это да! В школу Фолкнера непросто попасть. Она у вас молодец!

– Спасибо, – кивнула мама. – Правда, каждый день ей при-

дется совершать целое путешествие. Сначала на метро до 86-й улицы, а потом на автобусе до Ист-Сайда – все вместе не меньше часа, хотя на машине каких-то пятнадцать минут.

– Но это того стоит. Несколько наших выпускников поступили в школу Фолкнера и очень довольны.

Я дернул маму за карман.

– Мам, мы опаздываем.

И мы стремительно распрощались. Наверное, мистер Попкинс удивился нашему внезапному бегству. Я подумал, вдруг он будет винить в этом Джека и Шарлотту, хотя по-настоящему меня расстроил только Джулиан. Поэтому, перед тем как уйти, я сказал мистеру Попкинсу:

– Они и правда хорошие ребята.

– Жду не дождусь, когда ты придешь к нам учиться. – И мистер Попкинс похлопал меня по спине.

– Пока, – сказал я Джеку, Шарлотте и Джулиану, но не посмотрел на них – я вообще не отрывал взгляда от пола, пока мы не оказались на улице.

Дома

Мы отошли от школы на полквартила, не меньше, и только тогда мама решилась:

– Ну и как? Тебе понравилось?

– Мам, не сейчас. Дома, – ответил я.

Как только мы вошли в дом, я рванул в свою комнату и бросился на кровать. Мама, кажется, не понимала, что со мной. И я тоже не понимал. Мне было очень грустно и в то же время чуть-чуть радостно – опять это чувство, когда сразу и плачешь, и смеешься.

Дейзи притрусила ко мне в комнату и принялась лизать мне лицо. А я говорил ей папиным голосом:

– Кто хорошая псина? Кто хорошая псина?

– Все в порядке, милый? – спросила мама. Ей хотелось сесть рядом со мной, но Дейзи растянулась поперек кровати.

– Извини, Дейзи. – Мама ее подвинула. – Тебя не обижали, Ави?

– Да нет. – Я солгал, но только наполовину. – Дети как дети.

– Но как они тебя приняли? Хорошо? Мистер Попкинс уж так их расхваливал – объяснял мне, какие они расчудесные.

– Угу. – Я продолжал смотреть на Дейзи, целовал ее в нос и почесывал за ухом, пока она не отбрыкнула меня задней лапой.

– Кажется, Джулиан из них самый симпатичный, – сказала мама.

– Ну уж нет, он как раз самый несимпатичный. Зато мне понравился Джек. Вот он хороший. Я подумал, что у него двойное имя, Джек-Тот, а на самом деле он просто Джек.

– Погоди, может, я их перепутала. Кто из них такой маленький, с челкой?

– Джулиан.

– И он вел себя не лучшим образом?

– Ага, не лучшим.

– Ну надо же! – Она на миг задумалась. – Значит, он из тех, кто со взрослыми ведет себя по-одному, а с детьми по-другому?

– Похоже на то.

– Терпеть таких не могу.

– Знаешь, что он меня спрашивал? «Эй, Август, что у тебя с лицом?» – Я не сводил взгляда с Дейзи. – И еще: «Ты на пожаре обгорел или как?»

Мама ничего не ответила. Я поднял на нее глаза – она застыла, совершенно ошеломленная.

– Но он не издевался. Просто спрашивал.

Мама кивнула.

– И мне очень понравился Джек, – продолжал я. – Он сказал Джулиану: «Замолчи уже наконец!» А Шарлотта сказала, чтобы Джулиан не говорил гадостей.

Мама снова кивнула. Она прижала пальцы к вискам, будто

у нее болит голова. И щеки у нее горели.

– Прости меня, Ави, – прошептала она.

– Да все в порядке, мам.

– Сынок, ты не должен ходить в школу, если не хочешь.

– А я хочу, – сказал я.

– Ави...

– Правда, мам. Хочу.

И я не врал.

День первый

Ладно, чего уж скрывать: первого сентября меня трясло, крутило и мутило. Мама и папа, подозреваю, тоже волновались, но старательно изображали радость и спокойствие, фотографируя нас с Вией. Вия же тоже первый раз шла в новую школу.

Несколько дней назад мы еще сомневались, идти мне в школу или нет. После той экскурсии мама и папа поменялись ролями. Теперь мама говорила, что не надо идти, а папа – что надо. Папа сказал, что гордится тем, как я осадил Джулиана, и что я превращаюсь в настоящего мужчину. И я слышал, как он говорил маме, что она все время была права. Но мама, наоборот, не очень-то верила, что она права. Когда утром папа сказал, что они с Вией проводят нас с мамой до моей школы – это же рядом, а им все равно по пути, – мама вздохнула с облегчением. Она была рада, что мы пойдем все вместе. И я тоже.

Хотя школа Бичера находится всего в нескольких кварталах от нас, я в тех местах почти не бывал. Я вообще стараюсь не соваться туда, где много детей. В нашем квартале все меня знают, и я знаю всех. Я знаю каждый кирпичик, и каждое дерево, и каждую трещину на тротуаре. Я знаю миссис Гримальди – она всегда выглядывает из окна; и старика, который разгуливает по улице туда-сюда, насвистывая, как птица. Я

знаю ларек на углу, где мама покупает бублики, и официанток в кофейне, которые зовут меня «лапочкой» и всякий раз угощают леденцами. Я люблю Норт-Ривер-Хайтс. Но сегодня улицы, которые всю жизнь были моими, казались какими-то незнакомыми, и от этого мне было не по себе. Эймсфорт-авеню, на которой я бывал миллион раз, выглядела почему-то совсем чужой. На ней толпились люди, которых я никогда прежде не видел: одни ждали автобуса, другие катили детские коляски.

Вия шла рядом, как обычно, а мама и папа – сзади. Мы перешли Эймсфорт-авеню, повернули на улицу Хайтс-Плейс и сразу же за углом увидели море детей перед школой – сотни детей, которые смеялись и болтали друг с другом, разбившись на группки, или стояли рядом с родителями, а те разговаривали с другими родителями. Я опустил голову.

– Тут все нервничают точно так же, как и ты, – сказала Вия мне на ухо. – Не забывай, что сегодня все новички. Хорошо?

У главного входа учеников и их родителей встречал мистер Попкинс.

Врать не буду: пока ничего ужасного не стряслось. Никто не пялился, никто вообще не обращал на меня внимания. Только один раз, подняв голову, я заметил каких-то девчонок, которые глазели в мою сторону и шептались, но они тут же отвернулись.

Мы дошагали до входа.

– Ну вот, пятиклассник, мы и пришли. – Папа положил

руки мне на плечи.

– Удачи! Я тебя люблю. – Вия расцеловала меня и обняла.

– И тебе удачи, – сказал я.

– Я тебя люблю, Ави. – Папа тоже меня обнял.

– Пока.

Потом и мама стала меня обнимать. Но я понял, что она вот-вот расплачется – только этого не хватало! Поэтому я быстро отвернулся и скрылся за дверью школы.

Классный час

Я понесся напрямиком в триста первый кабинет на третьем этаже. Хорошо, что две недели назад мистер Попкинс устроил для меня экскурсию: теперь я точно знал, куда идти, и мне ни разу не понадобилось поднять голову. Конечно, в коридорах на меня тарасились. Но я изо всех сил делал вид, что не замечаю.

Я вошел в класс. Учительница что-то писала на доске, дети рассаживались за одноместные парты, стоявшие полукругом. Я выбрал ту, что посередине, самую дальнюю. Я подумал, что так будет труднее меня разглядывать. Голову я все еще не решался поднять, а из-под челки мне были видны только ноги. Свободных парт почти не осталось, но рядом со мной никто не сел. Пару раз кто-то подходил, но в последнюю секунду давал задний ход и садился куда-то еще.

– Привет, Август! – Шарлотта мне помахала. Она выбрала себе место впереди. Передняя парта по доброй воле! Вот этого я совсем не понимаю.

– Привет, – кивнул я.

Потом я заметил, что через несколько столов от нее сидит Джулиан и с кем-то разговаривает. Он меня видел, это точно, но не поздоровался.

Вдруг кто-то плюхнулся за парту справа от меня. Джек! Джек Тот.

– Как дела? – сказал он.

– Привет, Джек! – Я помахал ему рукой и тут же об этом пожалел: получилось как-то по-детски.

– Так, ребята, внимание! Все расселись? – Учительница повернулась к нам. На доске была написана ее фамилия. «Мисс Петоза». – Занимайте места. Входите, – сказала она парочке опоздавших. – Есть место тут и вот тут.

Меня она пока не заметила.

– Прекратите болтать... – Заметила. – ...и положите рюкзаки на пол.

Она замешкалась лишь на тысячную долю секунды, но я точно знаю, в какое мгновение она меня увидела. Как я и говорил: мне не привыкать.

– Я сейчас проверю присутствующих и запишу, кто где сидит, – продолжала она, присев на край своего стола. Рядом с ней лежали три аккуратные стопки пластиковых папок. – Когда я вас вызову, подходите ко мне, и я выдам каждому его папку. Внутри вы найдете расписание занятий и кодовый замок. Но вы уж постарайтесь его не открывать, пока я не скажу. Код от вашего замка – у каждого на расписании. Предупреждаю: некоторые шкафчики находятся не рядом с нашим классом, а в конце коридора. И – предвидя ваши вопросы – нет, вы не можете поменяться шкафчиками и не можете поменяться замками. Позже, если у нас с вами останется время, мы познакомимся поближе. Договорились? Договорились.

Она взяла лист бумаги со своего стола и начала громко

называть наши имена.

– Итак. Джулиан Албанс? – сказала она, оглядывая класс.

Джулиан поднял руку:

– Здесь!

– Здравствуй, Джулиан. – Учительница отметила для себя, где он сидит. Потом протянула ему верхнюю папку из крайней стопки. – Вот твоя папка, – сказала она строгим голосом. Джулиан встал и взял у нее папку.

– Ксимена Ван?

Она вызывала всех по алфавиту и каждому выдавала папку. Пока она продвигалась по списку, я заметил, что место рядом со мной – единственное пустое в классе, а не так далеко от меня двое теснятся за маленькой партой. Когда мисс Петоза вызвала одного из них, здоровенного парня по имени Генри Джоплин – встретил бы его на улице, решил бы, что ему лет двенадцать, если не больше, – она сказала:

– Генри, вон свободная парта. Пересядь туда. – Она протянула ему папку и указала на пустую парту рядом с моей.

На Генри я не глядел, но было очевидно, что от переезда он не в восторге: он волочил рюкзак по полу, да и сам тащился так, будто ему включили замедленный режим. Потом он шмякнул рюкзак на парту с правой стороны от себя, и получилось что-то вроде стены между ним и мной.

– Майя Марковиц?

– Здесь, – откликнулась девочка, сидевшая через четыре парты от меня.

– Майлз Нури?

– Здесь, – сказал парень, который раньше сидел с Генри Джоплином. Когда Майлз возвращался к своей парте, он бросил на Генри сочувственный взгляд.

– Август Пулман?

– Здесь, – пролепетал я, чуть-чуть приподняв руку.

– Здравствуй, Август. – Мисс Петоза ласково улыбалась, пока я шел за своей папкой. В те несколько секунд, что я стоял у учительского стола, я чувствовал, как взгляды всех и каждого впиваются мне в спину. Зато как только я развернулся, все спрятали глаза. Я не стал трогать замок, хотя остальные уже теребили свои – когда тебе что-то запрещают, очень трудно удержаться. А в кодовых замках, между прочим, я разбираюсь неплохо: давно уже ими пристегиваю велосипед, чтобы не украли. Генри тоже пытался справиться со своим замком, но безуспешно. Он злился все больше и больше и даже начал чертыхаться себе под нос.

Мисс Петоза вызвала еще несколько человек. Последним был Джек Тот.

Выдав Джеку его папку, она сказала всем:

– Запишите ваши комбинации где-нибудь в надежном месте, чтобы не забыть. Но если вы все-таки забудете, а это случается примерно три целых две десятых раза в полугодие, список всех комбинаций есть у миссис Диас. Теперь достаньте замки из папок и пару минут потренируйтесь их открывать. Хотя я прекрасно вижу, что некоторые уже давно иг-

рают с замками! – Она не сводила взгляда с Генри. – Тем временем я расскажу вам о себе. А потом вы расскажете о себе, так мы и познакомимся друг с другом. Договорились? Договорились.

Она улыбалась всем, но мне казалось, что мне она улыбается больше всего. Ее улыбка сияла, как улыбка миссис Диас, но при этом была нормальной, вроде бы искренней. Мисс Петоза не была похожа на учительниц, какими я их себе представлял. Наверное, я думал, что она будет выглядеть как мисс Фоул из мультиков про Джимми Нейтрона: такая старушенция с огромным пучком на затылке. Но на самом деле она выглядела точь-в-точь как Мон Мотма из четвертого эпизода «Звездных войн»: с мальчишеской стрижкой и в длинной белой рубашке, похожей на тунику.

Она повернулась к доске и начала писать.

Генри по-прежнему пыхтел над замком. У остальных получалось, а у него нет, и он бесился все сильнее. А когда я открыл свой с первой попытки, он аж зубами заскрипел. Вот смешно: если бы он не поставил между нами свой рюкзак, я бы давно уже ему помог.

По порядку

Мисс Петоза немного рассказала нам о себе. Ничего интересного: откуда она родом, и как она всегда мечтала стать учительницей, и как шесть лет назад бросила работу на Уолл-стрит, чтобы воплотить свою мечту и учить детей. Напоследок она спросила, у кого есть вопросы, и Джулиан поднял руку.

– Да?.. – Она заглянула в список имен. – Джулиан.

– Классно, что вы воплотили свою мечту.

– Спасибо!

– Пожалуйста! – Он самодовольно ухмыльнулся.

– Хорошо, Джулиан, а теперь давай ты тоже расскажешь нам о себе. Кстати, вопрос ко всем: подумайте, что бы вы хотели сообщить о себе одноклассникам? Много говорить не надо, выберите какие-нибудь две вещи – и достаточно. Погодите-ка: сколько из вас пришло из Начальной школы Бичера? – Примерно половина класса подняли руки. – Значит, некоторые уже знакомы друг с другом. А остальные новенькие, так? Вот, постарайтесь вспомнить что-то такое, чего даже ваши знакомые про вас пока не знают. Договорились? Договорились. Начнем с Джулиана и дальше по порядку.

Джулиан ухватился за подбородок, будто думал изо всех сил.

– Начинай, как будешь готов, – сказала мисс Петоза.

– Ну, номер раз – это...

– Будьте добры, называйте свои имена, – попросила мисс Петоза. – Так я вас быстрее запомню.

– Ага, ладно. Так, значит, зовут меня Джулиан. Первое, что я хочу о себе рассказать: мне недавно купили «Battleground Mystic» для приставки Wii, и это что-то! А второе – этим летом у нас появился стол для пинг-понга.

– Очень мило, я люблю пинг-понг, – кивнула мисс Петоза. – У кого-нибудь есть вопросы к Джулиану?

– В «Battleground Mystic» играют поодиночке, или можно несколькими сразу?

– Не такие вопросы, – улыбнулась мисс Петоза. – Хорошо, а что ты хотела бы рассказать? – Она смотрела на Шарлотту. Вероятно потому, что Шарлоттина парта была ближе всего к учительскому столу.

Шарлотта не колебалась ни секунды, будто заранее знала, что говорить.

– Меня зовут Шарлотта. У меня две сестры, а только что, в июле, мы завели собачку. Мы взяли Сью из приюта для животных, и она такая славная!

– Прекрасно, Шарлотта, спасибо, – сказала мисс Петоза. – Кто следующий?

Агнец на заклание

«Агнец на заклание – кроткий человек, который спокойно идет на гибель, не зная об опасности».

Я погуглил прошлым вечером. И я вспомнил про агнца, когда мисс Петоза вдруг назвала мою фамилию.

– Меня зовут Август, – сказал я. Ну, скорее проямлил.

– Как-как? – переспросил кто-то.

– Пожалуйста, говори громче, – попросила мисс Петоза.

– Меня зовут Август. – Я повысил голос и заставил себя оторвать взгляд от пола. – У меня... э-э-э... есть сестра Вия и собака Дейзи. И... э-э-э... это всё.

– Чудесно, – сказала мисс Петоза. – У кого-нибудь есть вопросы к Августу?

Все молчали.

– Хорошо, теперь ты, – обратилась мисс Петоза к Джеку.

– Погодите, у меня есть вопрос к Августу, – поднял руку Джулиан. – Зачем у тебя сзади тоненькая косичка? Чтобы на падавана быть похожим?

Я пожал плечами.

– Ну да.

– А что такое падаван? – улыбнулась мне мисс Петоза.

– Это из «Звездных войн», – ответил Джулиан. – Падаван – ученик джедая.

– Как интересно! – сказала мисс Петоза, глядя на меня. –

Ты увлекаешься «Звездными войнами», Август?

– Угу, – кивнул я, не поднимая глаз, потому что больше всего на свете хотел забраться под парту.

– И кто твой любимый герой? – спросил Джулиан.

Может, он не такой уж противный?

– Джанго Фетт.

– А Дарт Сидиус тебе как? – продолжал он.

– Ребята, вы можете пообсуждать «Звездные войны» на перемене, – вмешалась довольная мисс Петоза. – Продолжим. Твоя очередь, – обратилась она к Джеку.

Если честно, я пропустил все, что сказал Джек. Может быть, никто не понял про Дарта Сидиуса, а может, Джулиан вообще не хотел надо мной издеваться. Но в «Мести ситхов» – это третий эпизод «Звездных войн» – Дарт Сидиус получил сильные ожоги, которые полностью его изуродовали. Все его лицо скукожилось, будто оплавилось.

Я бросил взгляд на Джулиана – он смотрел на меня. Он знал, о чем говорил, это точно.

Единственная правота

Как только прозвенел звонок, началась настоящая суматоха. Я сверился с расписанием: следующий урок у меня – английский. В триста двадцать первом кабинете. Я не стал выяснять, идет ли туда кто-нибудь еще из нашего класса, просто ринулся к двери и потом по коридору. А в кабинете сел как можно дальше от учителя. Учитель, очень высокий и с желтой бородой, что-то писал на доске.

Дети входили, смеялись и болтали, но я не поднимал глаз. В целом тут все было так же, как в классной комнате: никто не садился рядом со мной, за соседние парты, – только Джек. Он перешучивался с ребятами из другого класса. Джек – из тех людей, которые всем нравятся. У него много друзей, с ним весело.

Когда прозвенел звонок, все утихло, а учитель повернулся к нам. Он сказал, что его зовут мистер Браун, и потом начал говорить о том, чем мы будем заниматься в этом полугодии. В какой-то момент, где-то между «Морщинкой времени» и «Морскими бесами»², он заметил меня, но продолжал как ни в чем не бывало.

² «Морщинка времени» (или «Складка времени») – научно-фантастическая повесть американской писательницы Мадлен Л’Энгл о девочке, которая отправилась на поиски пропавшего отца – ученого, экспериментировавшего с путешествиями во времени. «Морские бесы» – сборник сказок, написанных по мотивам китайского фольклора Артуром Боуи Крисманом.

А я слушал и рисовал в тетрадке, но время от времени незаметно озирался. В классе сидел Джулиан. И Генри с Майлзом. А Шарлотты не было.

Мистер Браун написал на доске большими печатными буквами:

«МАКСИМА».

– А теперь запишите это в ваших тетрадках, на самой верхней строчке самой первой страницы.

Мы так и сделали, и тогда он спросил:

– Ну, кто может мне сказать, что такое максима? Кто-нибудь знает?

Никто не поднял руки.

Мистер Браун улыбнулся, кивнул и написал на доске:

«МАКСИМА = ПРАВИЛО О САМЫХ ВАЖНЫХ ВЕЩАХ».

– Как заповедь? – спросил кто-то.

– Как заповедь, – ответил мистер Браун и снова стал писать на доске. – Как афоризм. Как изречение из китайского «печенья счастья». Любое высказывание, любое правило, которое может стать для нас ориентиром в жизни. Таким образом, максима – это то, что направляет нас, когда мы принимаем решения о вещах по-настоящему важных.

Он написал все это на доске и обернулся.

– А что для нас самое важное?

Все стали поднимать руки, а он показывал, чья очередь, и записывал ответы на доске, и почерк у него был даже хуже,

чем у врача, честное слово:

«ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ. УЧЕБА В ШКОЛЕ. ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ».

– Что еще? – Он писал и писал, уже не оборачиваясь. Записывал все без разбору: «СЕМЬЯ. РОДИТЕЛИ. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ».

Одна девочка выкрикнула:

– Окружающая среда!

«ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА», – вывел он на доске и прибавил от себя: – «НАШ МИР».

– Акулы! Потому что они едят падаль в океане, – сказал какой-то мальчишка, кажется, его звали Росс, и мистер Браун записал: «АКУЛЫ».

«ПЧЕЛЫ. РЕМНИ БЕЗОПАСНОСТИ. ПЕРЕРАБОТКА ОТХОДОВ. ДРУЗЬЯ».

– Хорошо. – Закончив, он повернулся и посмотрел на нас. – Но самую важную вещь никто так и не вспомнил.

Мы все уставились на него: в голову уже ничего не лезло.

– Бог? – раздался чей-то голос, и хотя мистер Браун и написал «БОГ» на доске, он, кажется, ждал другого ответа. Ничего больше не сказав, он написал: «КТО МЫ?»

– Кто мы? – отдельно произнес он, подчеркивая каждое слово. – Кто мы такие? Мы! Что мы за люди? Что ты за человек? Не это ли самая важная вещь на свете? Не этот ли вопрос мы должны задавать себе постоянно? Что я за человек?.. Скажите, кто-нибудь обратил внимание на дощечку у

двери школы? Кто-нибудь прочел, что на ней написано?

Мистер Браун оглядел нас, но все молчали.

– Она гласит: «Познай себя». – Он улыбнулся. – Как раз для этого мы тут и собрались.

– А я думал, чтобы учить английский, – хмыкнул Джек, и все рассмеялись.

– Ах, да! И для этого тоже! – ответил мистер Браун, и я подумал: «Какой он отличный!» Он повернулся к доске и написал огромными печатными буквами, которые растянулись на всю доску:

**«СЕНТЯБРЬСКАЯ МАКСИМА МИСТЕРА БРАУНА:
ЕДИНСТВЕННАЯ ПРАВОТА – ДОБРОТА».**

– Я хочу, – сказал он, – чтобы вы завели особый раздел в своих тетрадах: «Максимы мистера Брауна».

Пока мы заводили раздел, он продолжал говорить:

– Наверху первой страницы поставьте сегодняшнюю дату. В начале каждого месяца я буду записывать новую максиму на доске, а вы – в тетрадах. Потом мы будем эту максиму обсуждать. А в конце месяца вы будете писать о ней сочинение – о том, что она для вас значит. К концу года у вас накопится целый список таких максим, и они останутся с вами и после того, как мы с вами простимся. На летних каникулах я всегда прошу пятиклассников присылать мне свои собственные макси-мы: писать их на открытках и отправлять мне по почте.

– И что, присылают? – спросила какая-то девочка.

– О да! – ответил он. – Присылают. Более того, некоторые ученики отправляют мне новые максимы спустя годы после окончания школы, представляете?

Он помолчал, поглаживая бороду.

– Но рано мечтать о каникулах. Я прекрасно помню, что до лета нам еще учиться, учиться и учиться, – пошутил он, и мы рассмеялись. – Сейчас я проверю, кто сегодня присутствует, а после перекички мы с вами еще поговорим об увлекательнейших вещах, которые будем проходить в пятом классе – *по английскому*. – Говоря это, он выразительно посмотрел на Джека, и это тоже было смешно, и мы опять расхохотались.

Записывая в тетрадь сентябрьскую максимуму мистера Брауна, я вдруг осознал, что школа мне начинает нравиться. Несмотря ни на что.

Обед

Вия предупреждала меня про обед в школе, так что я должен был предвидеть, что придется тяжело. В общем, было так. Все пятиклассники высыпали из кабинетов в одно и то же время и, добежав до столовой, кинулись к пустым столам, вопя и налетая друг на друга. За порядком следила какая-то учительница, и она все время говорила: «Садитесь сами, места не занимайте!» – но я не понял, что она имела в виду, и, кажется, никто не понял, потому что все продолжали занимать места для своих друзей. Я попробовал пристроиться за какой-то столик, но мальчик, добежавший раньше меня, сказал: «Извини, тут уже сидят».

Поэтому я нашел себе пустой стол и просто ждал, когда все закончат носиться как угорелые и учительница скамандует, что делать дальше. Она начала перечислять правила столовой, а я искал глазами Джека Тота, но его нигде не было. Учителя вызывали столы по номерам: надо было брать подносы и выстраиваться в очередь у длинной стойки. Джулиан, Генри и Майлз сидели в дальнем конце столовой.

Мама дала мне с собой бутерброд с сыром, рыбки-крекеры и пакет сока, так что, когда вызвали мой стол, мне не надо было вставать в очередь. Я просто открыл рюкзак, достал пакет с едой и принялся медленно разворачивать фольгу, в которую был упакован бутерброд.

Я точно знал, что на меня таращатся, для этого мне даже не нужно было поднимать глаза. Все вокруг рассматривали меня и подталкивали друг друга локтями. Я считал, что давно уже к такому привык, но оказалось, не совсем.

За девчачьим столом неподалеку тоже шушукались обо мне, это я понял по тому, как они прикрывали рты руками и то и дело бросали на меня взгляды.

Ненавижу, как я ем. Зрелище и в самом деле не для слабонервных. Чтобы поправить волчью пасть, в два года мне сделали операцию, а потом еще одну, в четыре, но у меня до сих пор дыра в нёбе. И хотя несколько лет назад мне вроде бы выровняли челюсти, жевать мне приходится передними зубами. Долгое время я даже не осознавал, как это выглядит со стороны, но как-то раз, на чьем-то дне рождения, один из гостей сказал маме именинника, что не хочет сидеть со мной рядом, потому что у меня изо рта во все стороны летят крошки. Само собой, этот мальчик не хотел меня обидеть, но потом ему все равно досталось, и вечером его мама звонила моей и извинялась. Когда я вернулся со дня рождения домой, я подошел к зеркалу в ванной и начал жевать крекер, чтобы посмотреть, как я ем. Тот парень был прав. Я ем, как черепаха – если вы когда-нибудь видели, как едят черепахи. Как доисторическое болотное чудище.

Летний стол

– Привет, тут не занято?

Я поднял глаза и увидел незнакомую девочку. У нее были волнистые каштановые волосы до пояса, а на коричневой футболке красовался фиолетовый пацифик. В руках она держала поднос с едой.

– Э-э... нет, – ответил я.

Она поставила поднос на стол, скинула рюкзак на пол, села напротив меня и принялась за макароны с сыром. И тут же поморщилась:

– Надо было принести с собой бутерброд, как ты.

– Ага, – кивнул я.

– Кстати, меня зовут Джун. А тебя?

– Август.

– Круто, – сказала она.

– Джун! – К нам приблизилась еще одна девочка с подносом. – Ты чего сюда села? Возвращайся к нам.

– У вас там тесно, – ответила ей Джун. – Лучше ты сюда.

Девочка на мгновение смутилась. Я догадался, что они говорят про тот девчачий стол, где обо мне шушукались. Думаю, Джун тоже сначала сидела с ними.

– Ну как хочешь, – сказала девочка и отправилась за тот самый стол.

Джун посмотрела на меня, пожала плечами и улыбнулась,

а потом вернулась к своим макаронам.

– Слушай, у нас имена друг к другу подходят, – сказала она.

Я не понял, о чем она, только хлопал глазами.

– Джун – значит июнь, правильно? А ты Август. – Она улыбалась и ждала, когда до меня дойдет.

– Ой, точно, – сказал я.

– Можем сделать свой собственный летний стол, – предложила она. – Только для тех, у кого летние имена. Так, у нас есть еще имена с какими-нибудь летними месяцами?

– Есть Майя.

– Формально май – еще весна, – заметила Джун. – Но если Майя захочет к нам присоединиться, мы можем сделать исключение. – Она говорила так, будто и правда излагала настоящий план. – Есть Джулиан. Это имя, как и Джулия, в честь июля.

Я помолчал, а потом сказал:

– Со мной на английский ходит Росс.

– Да, я знаю Росса, но разве это летнее имя? – спросила она.

– Ну, просто похоже на росу, а она бывает как раз летом.

– А, тогда ладно. – Она кивнула и достала блокнот. – И мисс Петоза тоже может тут сидеть. Ее имя похоже на «петунью» и «розу», а это летние цветы.

– Она у меня классный руководитель, – сказал я.

– А у меня ведет математику. – Джун скорчила рожу.

Она записала имена на предпоследней страничке блокнота.

– Ну, кто еще?

К концу обеда мы составили целый список учеников и учителей, которые допускались за наш стол. Большинство имен не были совсем уж летними, но какая-то связь с летом всегда находилась. Я даже придумал, как связать с летом Джека Тота: ведь с его именем можно составить массу летних предложений, например «Джек – тот, кто любит ходить на пляж». И Джун согласилась, что это вполне годится.

– Но если у кого-то нелетнее имя и он захочет с нами сидеть, – сказала она, – мы разрешим ему, если он хороший, ладно?

– Ладно, – кивнул я. – Если хороший, то пусть его хоть по-зимнему зовут!

– Круть! – Она засмеялась и подняла вверх большие пальцы.

Джун была похожа на свое имя. Загорелая, с глазами зелеными, как июньские листья.

От одного до десяти

У мамы есть такая привычка – спрашивать, как я себя чувствую по шкале от одного до десяти. Это началось после операции на челюсти, когда я не мог говорить, потому что челюсть у меня была обмотана проволокой и рот не открывался. Врачи взяли кусочек бедренной кости и вставили в подбородок, чтобы тот выглядел попримичнее, так что у меня болело сразу в нескольких местах. Мама показывала на какую-то из повязок, а я поднимал пальцы, чтобы дать ей знать, сильно болит или не очень. Один – значит, немножко. Десять – очень, очень, очень сильно. Потом, во время обхода, мама говорила врачу, что меня больше всего беспокоит. Иногда у мамы здорово получалось читать мои мысли.

После этого мы стали оценивать по десятибалльной шкале любые болячки. Например, если у меня просто саднило горло, она спрашивала: «Ты как, от одного до десяти?» А я отвечал: «Три», – ну или сколько там было.

Когда уроки первого сентября закончились, я вышел на улицу и увидел маму, которая ждала меня у школы, как и остальные родители и няни. Первое, что она спросила, обняв меня:

– Ну и как? От одного до десяти?

Я пожал плечами.

– Пять. – И, скажу вам, я ее огорошил.

– Ого, – выдохнула она. – Даже лучше, чем я надеялась.

– Мы заберем Вию из школы?

– Ее подвезет мама Миранды. Понести твой рюкзак? – И мы двинулись сквозь толпу. Дети «незаметно», как они думали, показывали на меня своим взрослым.

– Не надо, – сказал я.

Но мама принялась стаскивать с меня рюкзак.

– Он же тяжеленный, Ави!

– Мам! – Я вывернулся от нее и рванул вперед.

Тут раздался голос Джун:

– До завтра, Август!

Она шла в другую сторону.

– Пока, Джун, – помахал я ей.

Как только мы вынырнули из толпы и перешли улицу, мама спросила:

– Кто это, Ави?

– Джун.

– Она учится в твоём классе?

– Мам, я учусь в разных классах. Каждый предмет – это свой класс.

– Она в *каком-нибудь* из твоих классов?

– Не-а.

Мама ждала, что я еще что-нибудь скажу, но мне совсем не хотелось разговаривать.

– Так как все прошло? Хорошо? – У мамы явно накопился миллион вопросов. – Тебя не обижали? Учителя понра-

вились?

– Ага.

– А те дети, с которыми ты познакомился на прошлой неделе? Как они себя вели?

– Да все нормально. Джек сидел рядом со мной на уроках.

– Это прекрасно, дорогой! А тот мальчик, Джулиан?

Я вспомнил, как Джулиан спрашивал у меня про Дарта Сидиуса. Как будто лет сто назад.

– Тоже нормально, – ответил я.

– А девочка со светлыми волосами, как ее зовут?

– Шарлотта. Мам, я уже сказал, никто меня не оби-жал.

– Хорошо.

Если честно, я не знаю, почему я злился на маму, но я злился ужасно. Пока мы переходили дорогу и шли по Эймс-форт-авеню, мама молчала, но, когда свернули на нашу ули-цу, она опять стала задавать вопросы:

– А как ты познакомился с Джун, если она не ходит ни в один из твоих классов?

– Мы вместе обедали.

Я начал пинать камешек то одной ногой, то другой: гнал его перед собой по тротуару, как футбольный мяч.

– Кажется, она очень милая, – сказала мама.

– Да.

– И очень хорошенькая.

– Да, знаю. Мы как Красавица и Чудовище.

Я не стал дожидаться маминого ответа. Просто пнул ка-

мешек изо всех сил и побежал за ним.

Падаван

Вечером я отрезал свою косичку. Первым заметил папа.

– О, наконец-то, – сказал он. – Мне она никогда не нравилась.

Зато Вия кипятилась и никак не могла успокоиться:

– Ты же растил ее несколько лет! Почему ты ее отстриг?!

– Сам не знаю, – ответил я.

– Кто-то над тобой смеялся?

– Нет.

– Ты сказал Кристоферу, что собираешься ее отрезать?

– Мы же с ним больше не дружим.

– Не выдумывай! Не могу поверить, что ты вот просто так взял ее и откромсал! – И Вия вылетела из моей комнаты, хлопнув дверью.

Когда вечером папа зашел пожелать мне спокойной ночи, мы с Дейзи лежали на кровати, свернувшись калачиком. Папа слегка подвинул Дейзи и прилег рядом со мной на одеяло.

– Ну, Ав-Гав, – сказал он. – Так что у тебя был сегодня за денек: что надо или что не надо?

Между прочим, вопрос про денек папа не сам придумал, а взял из старого мультика о таксе по имени Ав-Гав. Одно время, мне тогда было года четыре, мы часто его смотрели – особенно в больнице. С тех пор папа иногда звал меня Ав-Гав, а я его – «дорогим папашей», как щенок-такса звал сво-

его папу в мультике.

– Что надо, – кивнул я.

– Ты весь вечер молчал.

– Устал.

– Много всего сразу, да?

Я кивнул.

– Но все правда прошло нормально?

Я снова кивнул. Он тоже замолчал, поэтому спустя несколько секунд я сказал:

– Даже лучше, чем нормально.

Папа поцеловал меня в лоб.

– Как я рад, Ави. Похоже, со школой мама все-таки неплохо придумала.

– Да. Но я ведь могу ее бросить, если захочу, да?

– Конечно, мы же договорились, – ответил он. – Хотя зависит от того, почему ты решишь бросить. Обещай, что, если в школе у тебя начнутся какие-то неприятности, ты нам обязательно всё расскажешь.

– Угу.

– А могу я у тебя кое-что спросить? Ты что, злишься на маму? Весь вечер на нее вроде как дуешься. Послушай, Ави, в том, что ты пошел в школу, я виноват точно так же, как и она.

– Нет, она больше виновата. Это же ее идея.

Тут раздался стук в дверь и в комнату заглянула мама. Вид у нее был немного смущенный.

– Просто хотела пожелать спокойной ночи.

– Привет, мамаша, – сказал папа и помахал ей моей рукой.

Мама присела на край кровати рядом с Дейзи.

– Ты, говорят, отрезал косичку.

– Подумаешь, невелика беда, – ответил я.

– А я и не говорю, что беда.

– Уложишь Ави? – сказал папа маме. – У меня срочная работа. Спокойной ночи, сын, мой сын. – Это была еще одна часть Ав-Гав-ритуала, но отвечать «Спокойной ночи, дорогой папаша» мне что-то не хотелось.

Папа встал с кровати.

– Я очень тобой горжусь.

Мама и папа всегда укладывали меня по очереди. Знаю, обычно укладывают только малышей, а десятилетние дети засыпают сами, без родителей, но так уж у нас повелось.

Мама устроилась рядом со мной и попросила папу:

– Заглянешь к Вие?

Он обернулся:

– А что с Вией не так?

Мама пожала плечами.

– Она говорит, все в порядке. Но первый день в новой школе, сам понимаешь.

– Хм-м, – сказал папа, а потом подмигнул мне. – Всегда с вами, дети, что-то не так.

– Да, не соскучишься, – согласилась мама.

– Не соскучишься, – повторил папа. – Ну, спокойной но-

чи.

Он закрыл за собой дверь, и мама достала книгу, которую читала мне последние пару недель. Я обрадовался, потому что жутко боялся, что она захочет «поговорить», а у меня совсем не было настроения разговаривать. Но и у мамы, кажется, тоже. Она просто листала страницы – искала место, где мы остановились. Мы прочитали уже почти половину «Хоббита».

«“Стойте! Перестаньте!” – закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны. Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно еще усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был все тот же»³.

Не знаю почему, но я вдруг расплакался.

Мама отложила книгу и обняла меня. Похоже, она ничуть не удивилась.

– Все хорошо, – шептала она мне на ухо. – Все будет хорошо.

– Прости, – выдавил я между всхлипываниями.

– Тс-с-с. – Она вытерла мне слезы. – Ты ни в чем не виноват...

– Мамочка, ну почему я такой урод? – прошептал я.

– Нет, малыш, ты не...

– Я знаю, что я урод.

³ «Хоббит» Дж. Р. Р. Толкина цитируется в переводе Наталии Рахмановой.

Она расцеловала мне все лицо. Она целовала мои перекошенные, будто сползшие вниз глаза. Целовала мои вдавленные внутрь щеки. Целовала мой черепаший рот.

Она говорила мне ласковые слова и пыталась меня утешить. Но я-то знаю, словами лицо не изменишь.

Разбудите меня, когда закончится сентябрь⁴

В сентябре было тяжело. Я не привык рано вставать по утрам. Не привык ко всем этим домашним заданиям. А еще первая «самостоятельная» в конце месяца. Ведь с мамой я никогда не писал самостоятельных. И мне не нравилось, что теперь у меня нет свободного времени. Раньше я играл, когда хочу, а сейчас мне постоянно надо делать уроки.

И в самой школе поначалу было ужасно. В каждом классе, где я появлялся, дети изо всех сил старались на меня «не тарачиться». Они бросали взгляды украдкой из-за тетрадок или когда думали, что я не смотрю. Они обходили меня как можно дальше, как будто боялись подцепить от меня какую-то жуткую бациллу, как будто мое лицо – заразное.

В коридорах всегда было не протолкнуться, и при виде меня кто-нибудь обязательно столбенел – тот, кто, возможно, обо мне еще не слышал. Из бедняги вырывался такой сдавленный звук, который издаешь, когда задерживаешь дыхание, чтобы нырнуть. В первые несколько недель это случалось, наверное, раз по пять на дню: на лестницах, перед шкафчиками, в библиотеке. В школе шестьсот детей, и рано

⁴ Так называется песня группы Green Day: «Wake Me Up When September Ends».

или поздно каждый должен был со мной встретиться. Я то и дело замечал, как кто-нибудь, проходя мимо, толкает локтем приятеля или что-то шепчет ему на ухо. Могу только догадываться, *что* они обо мне говорили. Но вообще-то я предпочитаю об этом не думать.

Кстати, никто особо не подличал: меня не дразнили и рожки не корчили. Просто тупо глазели – ну что ж, все так делают. Мне иногда хотелось им сказать: «Эй, всё в порядке, я знаю, что выгляжу странно, разглядывайте, сколько влезет, я не кусаюсь!» Да что там, если бы в школу вдруг заявился какой-нибудь гуманоид, например вуки из «Звездных войн», мне было бы страшно любопытно и я бы, пожалуй, сам на него таранился! И шептал бы Джеку или Джун: «Смотрите, смотрите, вон вуки!» А если бы вуки меня услышал, то он бы понял, что я не хочу его обидеть. Я всего лишь говорю, что он вуки.

Чтобы привыкнуть к моему лицу, моим одноклассникам понадобилась неделя. Это тем, кого я вижу каждый день на всех уроках.

Остальным пятиклассникам, с которыми я встречаюсь в столовой, на прогулках, на физкультуре и на музыке, в библиотеке и в компьютерном классе, – две недели.

Детям из других параллелей понадобился месяц. Эти уже почти взрослые, ну, некоторые из них. У одних сумасшедшие прически. У других серьги в носу. У третьих прыщи. Но никто не выглядит так, как я.

Джек Тот

Я сидел с Джеком на классных часах, на английском, истории, информатике, музыке и естествознании – на всех уроках, которые у нас были общими. Я решил, что либо учителям велели сажать нас вместе, либо это невероятнейшее совпадение.

Мы с Джеком и с урока на урок ходили вместе. Он замечал, что на меня глазают, но притворялся, что не замечает. Хотя однажды, перед уроком истории, на лестнице на нас налетел огромный восьмиклассник, сигавший сразу через две ступеньки, и сбил меня с ног. Помогая мне подняться, он бросил взгляд на мое лицо и выдохнул: «Ого-о!» Потом потрепал меня по плечу, будто стряхивал пыль, и побежал догонять своих. А мы с Джеком почему-то грохнули со смеха.

– Как его перекосило! – сказал Джек, когда мы уселись за парты.

– Точно! – подхватил я. – А помнишь, как он, таким басом: «Ого-о!»

– Небось еще и штаны обмочил!

Мы так хохотали, что учителю, мистеру Роше, пришлось призвать нас к порядку.

Потом, когда мы закончили читать про то, как древние шумеры изобрели солнечные часы, Джек прошептал:

– А тебе когда-нибудь хотелось им всем врезать?

Я пожал плечами:

– Наверное. Не знаю.

– Мне бы хотелось. О, слушай, тебе нужно завести секретный водяной пистолет или автомат и как-нибудь прицепить его к глазам. И каждый раз, как кто-то на тебя пялится, бить им струей в физиономию!

– Мерзкой зеленой слизью, – ответил я.

– Ага, пополам с собачьей мочой.

– Точно!

– Эй, там, на галерке, – цыкнул мистер Роше. – Не мешайте читать остальным.

Мы уткнулись в учебники. Чуть погодя Джек прошептал:

– Август, а ты всегда будешь так выглядеть? То есть, может, тебе пластическую операцию сделать?

Я улыбнулся и показал на свое лицо:

– Привет, это – *после* пластических операций!

Джек хлопнул себя по лбу и покатился со смеху.

– Чувак, ты должен засудить своего хирурга! – выдавил он.

От хохота мы оба чуть не скатились под парты и никак не могли успокоиться – даже после того, как мистер Роше нас рассадил.

Октябрьская максима мистера Брауна

Октябрьская максима мистера Брауна звучала так:

«Памятник человеку – его дела».

Это было написано на могиле одного египтянина, который умер сколько-то там тысяч лет назад. На уроках истории мы как раз собирались проходить Древний Египет, и мистер Браун решил, что фраза про памятник будет очень своевременной.

На дом он задал нам написать абзац-другой о том, что эта максима значит и что мы о ней думаем.

Вот что я написал:

«Это означает, что нас будут помнить за то, что мы делаем. То, что мы делаем, – самое важное на свете. Важнее слов и важнее внешности. Наши поступки делают нас бессмертными. Наши поступки – как памятники, которые люди строят, чтобы почтить память героев. Они как пирамиды, которые египтяне воздвигали для фараонов. Только они не из камня, а из воспоминаний о тебе. Вот почему твои дела – это твои памятники. Памятники, построенные из воспоминаний, а не из камня».

Яблоки

День рождения у меня 10 октября. Красивая дата – 10/10. Было бы классно, если бы я еще и родился ровно в 10 часов 10 минут, но увы. Я родился сразу после полуночи. Но я все равно считаю, что у меня крутой день рождения.

Обычно я отмечаю его дома, но в этом году решил пригласить своих гостей на боулинг. Мама удивилась, но обрадовалась. Она спросила, кого я хочу позвать из школы, а я сказал, что всех одноклассников, а еще Джун и нескольких ребят с английского.

– Не многовато ли? – спросила мама.

– Нужно пригласить всех, чтобы никто не обиделся, что его не позвали, понимаешь?

– Понимаю, – согласилась мама. – Ты хочешь позвать даже того мальчика, который спрашивал у тебя про пожар?

– Ага, и Джулиана, – ответил я. – Боже, мам, пора уже забыть про тот случай.

– Да, ты прав.

Пару недель спустя я спросил маму, кто придет, и она сказала:

– Джек Тот. Джун. Росс Кингсли. Макс А. и Макс Б. И еще двое не уверены, но постараются.

– Кто?

– У Шарлотты в первой половине дня хореография, но она

попытается успеть и к нам. И мама Тристана сказала, что он, скорее всего, придет после футбола.

– И *всё*? Это же... пять человек.

– Во-первых, больше пяти, Ави. Во-вторых, подозреваю, у многих уже были планы на этот день.

Мы сидели на кухне. Мама разрежала яблоко – мы только что купили пару килограммов на рынке – на малюсенькие-премалюсенькие кусочки, чтобы я мог его есть.

– Какие такие планы? – спросил я.

– Ави, я не знаю. Мы поздновато разослали приглашения.

– Но что они тебе говорили? Как объясняли, что не придут?

– Причины у всех были разные, – мама начала терять терпение. – Правда, сынок, это не так уж важно. У них уже были планы, вот и все.

– А Джулиан что сказал?

– Ты знаешь, – ответила мама, – вот как раз его родители не сочли нужным объясниться. – Она посмотрела на меня. – Похоже, яблоко от яблони и правда недалеко падает.

– Мам, при чем тут яблоки? – спросил я.

– Не важно. Вымой руки и садись есть.

Мой день рождения был намного скромнее, чем я ожидал, но все равно поприаздновали мы отлично. Пришли Джек, Джун, Росс, Тристан и оба Макса. И Кристофер с родителями тоже приехали, из самого Бриджпорта. И тетя Кейт с дядей По – из Бостона. И дядя Бен пришел. Вот только Ба и Де

не смогли приехать, они улетели до весны во Флориду. Было весело, потому что в конце концов все взрослые стали катать шары на соседней дорожке, и казалось, что поздравить меня собралось очень много людей.

Хэллоуин

На следующий день за обедом Джун спросила меня, кем я буду на Хэллоуин. Я, разумеется, думал об этом с прошлого Хэллоуина, поэтому тут же сказал:

– Бобой Феттом.

– А ты знаешь, что на Хэллоуин можно приходить в школу в костюме, да?

– Что, правда?

– Ну, если он политкорректный.

– Чтобы никакого оружия?

– Точно.

– А бластеры можно?

– Ави, бластер – тоже оружие.

– Эх... – Я покачал головой. У Бобы Фетта должен быть бластер.

– Радуйся, что нас не заставляют наряжаться персонажами книг, как в младших классах. В прошлом году я была Злой Ведьмой Запада из «Волшебника страны Оз».

– Но это же кино, а не книга.

– Ну ты даешь! Сначала была книга! Одна из моих самых любимых. Папа читал мне ее каждый вечер, когда я была в первом классе.

Когда Джун говорит, особенно когда она чем-то взволнована, она щурится, будто смотрит прямо на солнце.

На уроках я почти не вижу Джун. Единственный урок, на который мы ходим вместе, – физкультура, и даже там почти всегда девочки и мальчики играют на разных половинах зала. Но с того первого обеда мы каждый день сидим вместе за летним столиком – только мы вдвоем, больше к нам никто не подсаживается.

– А ты кем будешь? – спросил я.

– Пока не решила. То есть я знаю, в какой костюм хочу одеться, но, боюсь, буду выглядеть в нем идиоткой. А Саванна с подружками вообще не наряжаются в этом году. Они считают, что уже выросли из Хэллоуина.

– Да ну, глупости.

– Вот именно!

– И разве тебе не все равно, что думают эти девчонки?

Она пожалала плечами, потягивая молоко через соломинку.

– Так в какой же идиотский костюм ты хочешь нарядиться?

– Обещаешь не смеяться? – Она поежилась от смущения. – Я хочу быть единорогом.

Я улыбнулся и принялся рассматривать свой бутерброд.

Джун расхохоталась:

– Эй, ты обещал не смеяться!

– Хорошо, хорошо, – сказал я. – Но ты права, это по-идиотски.

– Да знаю! Но я все-все уже придумала: голову сделаю из папье-маше и раскрашу рог золотым, и гриву тоже... Только

представь!

Я пожал плечами.

– Тогда давай, наряжайся. Кого волнует, что думают о нем другие, верно?

– А, вот что! – Она щелкнула пальцами. – Я надена костюм только вечером, на хэллоуинский парад. А в школе буду просто готкой. Да, точно, так и сделаю.

– Отличный план, – кивнул я.

– Спасибо, Ави, – хихикнула она. – Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? С тобой можно говорить о чем угодно.

– Да? – Я засмеялся и поднял большие пальцы вверх. – Круть.

Школьные фотографии

Думаю, никого не удивит, что я не собирался сниматься для школьного фотоальбома, который будут делать 22 октября. Ни за что. Нет уж, спасибо. Я перестал фотографироваться уже давно. Наверное, это можно назвать фобией. Ну, на самом деле это не фобия. Это «нерасположенность» – слово, которое я только что выучил на уроках мистера Брауна. У меня нерасположенность к фотографированию. Фух, вот я и составил предложение с новым словом.

Я ожидал, что мама будет меня просить, чтобы я пересидел себя и сфотографировался, но она не стала. Но, хоть мне и удалось отбрыкаться от портрета, я никак не мог отбрыкаться от группового снимка. Бр-р-р! Когда фотограф меня увидел, его передернуло так, будто он съел целый лимон. Конечно, я же испорчу ему всю фотографию. Я еще и сидел в первом ряду. И не улыбался. Хотя, если бы улыбался, никто бы все равно не понял.

Плесневелый сыр

В школе постепенно ко мне привыкали, но недавно я заметил, что никто до меня не дотрагивается. Сперва я этого не замечал, потому что в средней школе дети не то чтобы все время ходят и трогают друг друга. Но в прошлый четверг на уроке танцев – между прочим, моем самом нелюбимом уроке – учительница, миссис Атанаби, попробовала поставить в пару со мной Ксиму Ван. И тут... я никогда раньше не видел, как у человека случается «паническая атака», но, судя по всему, эта самая паническая атака и началась у Ксимы. Она покраснела, побледнела, ее прошиб пот, а потом она придумала какой-то предлог, чтобы выскочить в туалет. Миссис Атанаби не стала ее заставлять и в конце концов разрешила всем танцевать поодиночке.

А вчера на уроке естествознания мы, как настоящие исследователи, ставили опыты с порошками: мы не знали названия порошка, и надо было выяснить, кислота это или щелочь. Все должны были нагреть свой таинственный порошок на горелке и наблюдать за ним, поэтому мы сгрудились вокруг горелки с тетрадами в руках. И вот, представьте, на уроке восемь человек, и семь из них жмутся с одной стороны горелки, а один – то есть я – стоит с другой стороны. Конечно, я все это заметил, но надеялся, что хотя бы мисс Рубин не заметит, – не хотел, чтобы она вмешивалась. Но, разуме-

ется, она заметила и вмешалась.

– Ребята, с той стороны полно места. Тристан, Нино, встаньте там, – скомандовала она, и Тристан с Нино переползли ко мне. Тристан и Нино всегда нормально ко мне относились, вот честное слово. Не то чтобы они прямо рвались со мной дружить, но всегда здоровались и говорили со мной так же, как с другими. И они даже не скривились, когда мисс Рубин сказала им передвинуться ко мне поближе, а большинство детей кривятся, когда думают, что я их не вижу. Ну, в общем, все шло неплохо, пока таинственный порошок Тристана не стал плавиться. Он снял свою фольгу с горелки, и тут как раз начал плавиться мой порошок. Я потянулся, чтобы тоже его снять, и случайно задел руку Тристана, на долю секунды. Тристан отдернул руку так резко, что уронил свою фольгу на пол и столкнул с горелки все остальные порошки.

– Тристан! – закричала мисс Рубин, но Тристану было наплевать, что он рассыпал порошки и испортил эксперимент. Он сейчас думал лишь об одном – как можно скорее добраться до раковины и вымыть руки. Вот так я узнал, что в нашей школе все боятся до меня дотрагиваться.

Я думаю, это как в «Дневнике слабака»⁵. В этой книжке все боялись дотронуться до куса старого плесневелого сыра, валявшегося на баскетбольной площадке. Кто дотраги-

⁵ Так называется серия книг американского автора Джеффа Кинни, а также очень известный фильм, поставленный по этим книгам.

вался, получал проклятие, которое мог передать другому. А в школе Бичера старый плесневелый сыр – это я.

Костюмы

Хэллоуин – лучший праздник на свете. Даже лучше Рождества. Я надеваю костюм. Надеваю маску. Расхаживаю повсюду как обычный ребенок, и никто не догадывается, что я страшилище. Никто не оборачивается. Никто меня не замечает. Никто меня не знает.

Вот бы Хэллоуин был каждый день! Мы бы все время носили маски. Гуляли и знакомились друг с другом – до того как увидим, кто как выглядит.

Когда я был маленький, то носил космонавтский шлем: всегда и везде, куда бы ни шел. На детскую площадку. В магазин. Встречать Вию из школы. Даже летом, хотя было так жарко, что лицо у меня дико потело. Думаю, я проносил его пару лет и снял, только когда мне прооперировали глаза. Кажется, мне было около семи. А потом этот шлем куда-то пропал, и мы так и не смогли его найти. Мама обыскала весь дом. Она решила, что, наверное, шлем волшебным образом очутился на чердаке у бабушки, и все собиралась его там поискать, но я уже привык обходиться без него.

У меня есть фотографии со всех Хэллоуинов. На мой первый Хэллоуин я был тыквой. На второй – тигром. На третий – Питером Пэном (а папа тогда нарядился капитаном Крюком). На четвертый я был капитаном Крюком (а папа, наоборот, Питером Пэном). На пятый – космонавтом. На ше-

стой – Оби-Ваном Кеноби. На седьмой – воином-клоном. На восьмой – Дартом Вейдером. На девятый – Кровавым Криком (из моей маски-черепа даже сочилась фальшивая кровь).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.